

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.17>

Анисимова Александра Наумовна, Ефремова Юлия Ивановна

Художественные доминанты новеллы К. Ф. Майера "Паж Густава Адольфа"

Авторы обращаются к исследованию творчества классика швейцарской литературы Конрада Фердинанда Майера, одного из представителей реализма XIX века, произведения которого издавались в нашей стране в начале и середине XX века, но до сих пор мало изучены. В работе анализируются художественные доминанты новеллы К. Ф. Майера "Паж Густава Адольфа": сюжет, субъектная организация, характеристика пространства. Особое внимание уделяется мотивному анализу. В статье впервые рассматривается мотив двойничества в новелле К. Ф. Майера "Паж Густава Адольфа", организующий сюжет и проблематику произведения и связанный с другими мотивами - любви, смерти, войны, игры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 80-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов стран зарубежья

Foreign Countries Peoples' Literature

УДК 8; 821.112.2

Дата поступления рукописи: 13.11.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.17>

Авторы обращаются к исследованию творчества классика швейцарской литературы Конрада Фердинанда Майера, одного из представителей реализма XIX века, произведения которого издавались в нашей стране в начале и середине XX века, но до сих пор мало изучены. В работе анализируются художественные доминанты новеллы К. Ф. Майера «Паж Густава Адольфа»: сюжет, субъектная организация, характеристика пространства. Особое внимание уделяется мотивному анализу. В статье впервые рассматривается мотив двойничества в новелле К. Ф. Майера «Паж Густава Адольфа», организующий сюжет и проблематику произведения и связанный с другими мотивами – любви, смерти, войны, игры.

Ключевые слова и фразы: швейцарская литература; Конрад Фердинанд Майер; мотив; хронотоп; новелла; художественные доминанты.

Анисимова Александра Наумовна, к. филол. н., доцент
Московский городской педагогический университет (филиал) в г. Самаре
88763@mail.ru

Ефремова Юлия Ивановна, к. филол. н., доцент
Самарский государственный экономический университет
yul-efrem@yandex.ru

Художественные доминанты новеллы К. Ф. Майера «Паж Густава Адольфа»

Актуальность нашей статьи обусловлена не только недостаточной изученностью произведений К. Ф. Майера в России, но и интересом современного литературоведения к исследованию поэтики в целом и отдельных ее аспектов – в частности.

Научная новизна работы заключается в том, что мы впервые подробно анализируем своеобразие поэтики новеллы К. Ф. Майера «Паж Густава Адольфа».

Целью статьи становится рассмотрение художественных доминант указанной новеллы К. Ф. Майера. В процессе исследования мы ставим перед собой следующие **задачи**:

1. Выявить специфику художественного мира новеллы «Паж Густава Адольфа».
2. Проанализировать систему мотивов в новелле К. Ф. Майера.

Предметом нашего исследования является новелла К. Ф. Майера «Паж Густава Адольфа», **объектом** – поэтика данного произведения.

Методологической основой работы стали труды Н. С. Павловой [11; 12], В. Д. Седельника [15], Б. В. Томашевского [18], И. В. Силантьева [16] и др. В ходе исследования мы применяли сравнительно-исторический, а также метод целостного анализа текста.

Результаты исследования имеют **практическое значение** и могут быть использованы в вузовских курсах по истории мировой литературы.

Первая биография К. Ф. Майера (1825-1898) принадлежит, как известно, немецкому исследователю А. Фрею [22]. Жизнь и творчество писателя изучались такими зарубежными учеными, как Д. А. Джексон [23], К. Шмид [24], Р. Фэзи [21], Ф. Баумгартен [20], Е. Штайгер [25] и др. В России творчеству Майера посвящены глава в учебнике швейцарской литературы Н. С. Павловой [11]; статьи таких авторов, как Р. М. Самарин [14], Р. Ю. Данилевский [4], Л. Э. Ребер [13]; статьи В. Д. Седельника [15], Е. А. Мандела [7] в «Краткой литературной энциклопедии»; вступительные статьи к произведениям Майера на русском языке А. А. Гозенпуда [3].

Тематика новеллы К. Ф. Майера «Паж Густава Адольфа» является смешанной – наряду с вечными темами любви, дружбы и смерти автор разрабатывает конкретно-историческую тему времен Тридцатилетней войны, связанную с последним периодом жизни шведского короля Густава II Адольфа (1594-1632).

Новелла К. Ф. Майера демонстрирует все признаки этого жанра. В плане содержания это новое событие из частной жизни человека, «необычайное бытовое происшествие, приключение, возбуждающее интерес читателя» [8, с. 244]. Произведению присущи резкость контрастов, повышенная весомость факта, испытание героя сложной ситуацией, заострение и концентрация противоречий, одноплановость стиля. Конфликт развивается динамично, присутствуют поворотный пункт, пуант, неожиданная развязка.

Автор описывает необычное событие – девушка переодевается в мужскую одежду и идёт служить пажом у короля Густава Адольфа вместо своего двоюродного брата (поворотный пункт, который меняет судьбу героини). Она влюблена в короля и не жалеет своей жизни ради него. Истинное мужество и сила таятся в хрупком теле Густль, тогда как её двоюродный брат труслив и подл. В ходе действия открывается правда: слабый оказывается сильным, а сильный – слабым.

Новелла К. Ф. Майера моделирует, чаще всего, пространство, связанное с действительностью, подчиняющееся законам реального мира. Топос произведения – это, с одной стороны, мир дома, семьи, отношений внутри этой семьи, но в большей степени – это широкое пространство государства и его короля, боровшегося за единство страны, а также мир души главной героини, мир ее чувств, так и не открытых возлюбленному. Все это – внешние атрибуты хронотопа новеллы. Его изобразительные функции в данном случае не ограничиваются только отсылкой к фактам действительности. Нужно отметить, что название новеллы дает представление о характере сюжета. Паж – это пребывание человека на границе между двумя состояниями.

В начале текста представляется также позиция, точка зрения, с которой будет вестись рассказ. В новелле субъектом речи на формально-словесном уровне является повествователь. На первый взгляд, о превращении героини рассказывается со стороны – употребляется личное местоимение третьего лица, но в то же время легко убедиться, что физическая точка зрения в новелле принадлежит как раз героине: в произведении не изображается ничего такого, чего бы не видел паж, а то, что изображается, мотивируется физическим восприятием Августы (или ее знанием, опытом). Можно сказать, что носитель речи сливается с персонажем. Это отчасти подтверждается и на словесном уровне заменой личного местоимения безличным и использованием приема несобственно-прямой речи. Таким образом, физическая точка зрения в новелле принадлежит героине.

Следующий этап развития повествования – определение пространственных координат, в которых существует Густль.

В первых абзацах текста обозначаются детали, которые в дальнейшем будут иметь важное значение: закрытое пространство, в котором существует Августина и ее семья, и широкий мир, связанный с королем, общественно-политическими событиями, который врывается в узкий, замкнутый на личных интересах мир семьи Лейбельфинг. В одном из нюрнбергских купеческих домов отец и сын подводят счета. В этот момент приходит письмо от короля Швейцарии Густава Адольфа, в котором он пишет: «Любезный господин Лейбельфинг! Будучи осведомлены о желании сына вашего поступить к нам на службу в пажи и отнюдь не забывав сего, настоящим уведомляем, что таковое желание ныне может беспрепятственно осуществиться, поскольку наш прежний паж, ныне покойный Макс Бегейм (почти при сём случае и память предшественника его, покойного Утца Фолькамера, и опять-таки его предшественника, покойного Гетца Тухера), сегодня во время штурма, после того, как пушечным ядром ему оторвало обе ноги, тихо почил на наших руках...» [6, с. 157]. Отец не хочет отдавать сына в пажи, но он сам явился причиной подобного обращения короля: во время чествования Густава Адольфа кто-то из толпы выкрикнул: «Да здравствует Густав Адольф, король Германии!». Это польстило королю, и он спросил, кто это произнёс. Лейбельфинг сказал, что это его сын, Густав, который очень уважает короля и хочет быть у него пажом. На самом деле эту фразу произнесла Густль, племянница Лейбельфинга, которая с детства любила короля.

Отец и сын решают, как спасти положение. Август предлагает сестре идти вместо него на службу, и та соглашается. Густль одевает мундир своего умершего отца и, назвавшись Густом Лейбельфингом, отправляется на службу к королю. Король очень полюбил нового пажа. Они вместе проводили вечера, король рассказывал пажу истории из своей жизни, давал советы.

Однажды паж получил письмо с пометкой “S”, которое предназначалось королю. Паж вскрыл его и узнал, что дочери короля, Кристине, грозила опасность быть втянутой в общество Иисуса через своего учителя. Король наказал этого учителя. Королева потребовала у короля, чтобы он разобрался с Лауэнбергом, который недавно женился на свояченице королевы, но покинул её и теперь живёт в военном лагере с дочерью Валленштейна, Коринной. Король вызвал её к себе. Пока не было Густава Адольфа, паж рассматривал её: она была очень красива, к тому же просила пажа помочь ей. В тот момент, когда Густ наклонился к пленнице, она поняла, что это переодевая девушка. Коринна хотела её выдать, но не стала этого делать. Король приехал разъярённым, потому что дворяне (в их числе был и Лауэнберг) грабили своих же крестьян. Король хотел отправить Коринну к её отцу, но она отказалась и покончила жизнь самоубийством. Вечером приехал Лауэнберг с дворянами, и когда король рассказал ему о случившемся, друзья отвернулись от Лауэнберга. Густ случайно стал свидетелем того, как Лауэнберг грозил исподтишка королю.

Мотивный анализ эпического произведения предполагает тщательное рассмотрение структуры текста, точное определение темы, а также полный разбор сюжета. В нашей статье, вслед за В. И. Тюпой, С. Н. Бройтманом и Н. Д. Тамарченко, нами будет пониматься под мотивом «любая единица сюжета (или фабулы), взятая в аспекте ее повторяемости, типичности, т.е. имеющая значение либо традиционное (известное из фольклора, литературы; из жанровой традиции), либо характерное именно для творчества данного писателя и даже отдельного произведения» [17, с. 194]. Теоретики литературы предлагают следующую классификацию

мотивов – лирические мотивы (мгновения), эпические, драматические и индивидуальные. Жанровые мотивы в лирике – увядания, кратковременности и быстротечности жизни. Эпическими мотивами являются поединок (а жанровыми – месть и убийство), а также преступление и наказание как мотивы готических и криминальных романов и повестей. Драматические мотивы – узнавание или разоблачение, вражда между родственниками, вина и возмездие в трагедии [Там же]. Индивидуальные мотивы специфичны для отдельного произведения – мотив свидания, испытание человека смертью, обособление от людей или приобщение к ним [Там же].

Как отмечает Б. В. Томашевский, есть мотивы, способствующие развитию сюжета, так называемые *динамические*, и мотивы, не способствующие этому, использующиеся в творчестве и других авторов – *статические*, а также мотивы, которые можно легко вычленил из фабулы произведения – *свободные* – и те, которые исключить невозможно, – *связанные* [18, с. 167].

В новелле статическими и свободными являются мотивы сна, страха, трусости, динамическими и связанными – мотивы любви, смерти, войны, игры.

Мотив двойничества [1; 2; 8; 9] является основным и пронизывает все повествование, касается практически каждого мотива и организует их. Он также включается в проблематику новеллы, которая построена на противоречии.

Начать можно с имён действующих лиц. Главную героиню зовут Августа, её двоюродного брата, вместо которого она идёт служить к королю, – Август. Имя короля оканчивается на тот слог, с которого начинается имя героини, до и по буквенному составу схоже с ним: «...ей пришла на ум нелепая ребяческая мысль, что один и тот же слог кончает ее имя и начинает имя короля» [6, с. 174].

Двойничество заключается в сходстве девушки Густль с мальчиком – во внешности, повадках, характере:

«Вслед за тем в комнату вошла стройная как елочка девушка с веселыми глазами, коротко подстриженными волосами и мальчишеской фигурой, с замашками, несколько напоминавшими кавалериста» [Там же, с. 160].

«При твоём мальчишеском виде и поведении он так же мало признает в тебе девушку, как Одиссей на печи, про которого ты плетешь свой басни, признал бы во мне мужчину» [Там же, с. 162].

«Да и я, – возразил герцог, – не имею основания заподозрить молодого человека; у него хорошее, честное лицо, такое же задорное мальчишеское лицо, как у моих босоногих богемских крестьянских девчонок» [Там же, с. 168].

Полководец Валленштейн сравнивает пажа не с юношами, а с девочками. Сходство с отцом проявляется в героине не только во внешности («Тем временем Августа Лейбельфинг впопыхах, словно хмельная, хлопотала в своей комнате: уложила ранец, живо натянула на себя одежду отца, сидевшую на ее стройной и плотной фигуре как вылитая, и затем, тяжело вздохнув, бросилась на колени, чтоб испросить у неба прощение и помощь» [Там же, с. 163]), в сходстве фигуры, так как она одевается в его камзол, но и в характере: «Сказывалась отцовская кровь. Удали и отваги у нее бы хватило, но мешали девичья стыдливость и скромность, – двоюродный брат судил правдиво, – да благоговение перед королем. Однако водоворот захватил девушку и увлек ее за собою» [Там же].

Полковник, друг погибшего отца Августы, узнавший её в одежде пажа короля, отмечает её сходство с ним: «Бравый был солдат покойный Лейбельфинг, лучший из начальников и мой закадычный друг. Только немножко шальной, как и ты, вероятно, Густль» [Там же, с. 191].

Мотив двойничества связан не только с образом Августы, но и с образом её двоюродного брата. Тот тоже похож на своего отца. Они оба тщательно выверяют доходы от торговли:

«Худошавый юноша, *вылитый отец*, первый отвел острый нос от своих красиво выведенных цифр» [Там же, с. 156].

«Купеческий сынок, наблюдавший за родителем, *в свою очередь побледнел*, видя, как вся краска сбегала с сухого отцовского лица; это значило, что стряслось какое-то несчастье» [Там же, с. 157].

Корнет, прибывший по приказу короля за пажом, отмечает сходство Августа с женщиной:

«Черт побери, вот так штуки выкидывает товарищ! С вашего разрешения, мне тотчас *бросилось* в глаза: господин кузен – вылитая старая баба, каждая черта, каждое движение, как они у нас там поют в Финляндии: “Старая баба верхом на ухвате”» [Там же, с. 163].

«Когда после продолжительного совещания подмененный юноша поднялся с места и увидел себя в зеркале, то его расстроенное лицо все еще украшал чепчик, напыленный на него шведским озорником» [Там же, с. 164].

Августа похожа на юношу, но краснеет, как девушка: «...к тому же *юноша этот* был неиспорчен и краснел, как девушка, до корней волос из-за мелочей» [Там же, с. 166].

Мотив двойничества можно проследить и в связи с образом короля. Когда у него родился ребёнок, ему сообщили, что это мальчик, а потом оказалось, что девочка: «Такова же была и невероятная история о том, что когда у короля родился ребенок, ему сообщили, что это сын, и он на некоторое время поддался обману» [Там же, с. 168].

При выборе изречения для гравировки на кольцо дочери король обратился к латинской книге. Паж помог ему, указав на самое подходящее, с его точки зрения: «Государь, возможно, что я неправильно толкую это изречение. Оно многозначно, как и большинство в этой книге, но я знаю одно, – и это чистейшая правда: если бы пуля, задевшая тебя, государь, сегодня... – он осекся, – это значило бы *courte et bonne*, ибо ты вместе и юноша и муж, и жизнь твоя – хорошая жизнь!» [Там же, с. 171]. «Короткая, и хорошая» – такова жизнь и короля, и его пажа, даже не одного пажа, а многих, поскольку они были рядом с королём на войне.

В начале новеллы перечисляются имена погибших пажей, что приводит в ужас кузена героини, и он отказывается идти на войну.

Мотив двойничества связан и с образом воспитателя дочери короля. Тайный иезуит прикинулся протестантом, чтобы обратить девочку в католическую веру. Он ввёл в заблуждение наставницу принцессы, а «холодная и рассудительная гофмейстерина не уставала повторять в каждом из своих писем, что молодой человек ее обворожил» [Там же, с. 172].

Двойственным является впечатление от дворян на войне – внешне они благородны и нарядны, но грабят своих же подданных, что «странно: король, по-видимому раздраженный противоречием между гордыми лицами, высокомерными фигурами, великолепными доспехами и низостью бьющихся под ними сердец, умышленно, чтоб унижить это высокомерие и заклеить преступление, обратился к грубой мужицкой речи, обычно ему не свойственной» [Там же, с. 181].

Любовница свояка короля также одновременно похожа и не похожа на медузу: «Будь у нее более спокойные глаза, более ясный лоб, менее подвижные ноздри и углы губ, это была бы прелестная голова музы, хоть и не была на нее похожа Коринна» [Там же, с. 175].

Схожи друг с другом и образы командующих воюющих армий – король Густав Адольф и Валленштейн, – что последний отмечает как непреложный факт: «Как же иначе? Хотя ваше величество и я и воюем друг с другом во главе наших армий, все же ваше величество и я, – герцог вежливо избегал слова “мы”, – неразрывно связаны. Один немислим без другого, и упади ваше величество или я с одного конца качелей мира, – ответил он шуткой на шутку короля, – другой конец с силой ударился бы оземь» [Там же, с. 188].

Таким образом, произведение «Паж Густава Адольфа» демонстрирует жанровые признаки новеллы: структурные – поворотный пункт, неожиданную развязку, и содержательные – испытание героя сложной ситуацией, заострение и концентрация противоречий. Хронотоп организован интенсивно, действие отличается центростремительной собранностью.

Мотивы в новелле К. Ф. Майера «Паж Густава Адольфа» не только тесно связаны между собой в различных иерархических комбинациях – в виде наложений друг на друга и дополнений, но также демонстрируют двойничество. Именно это отличает поэтический мир К. Ф. Майера. Основным мотивом новеллы является мотив двойничества, проявляющийся на различных уровнях, связанный с разными героями и с большинством эпизодов. Он организует как сюжет и тему, так и другие мотивы произведения – мотивы лжи, предательства, верности и любви, страха, трусости, войны, смерти и наслаждения жизнью, счастья, сомнений, ревности и доверия, сна, переодевания, игры, театра, творчества.

Список источников

1. Агранович С. З., Саморукова И. В. Двойничество. Самара: Самарский университет, 2001. 132 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 167 с.
3. Гозенпуд А. А. К. Ф. Майер // Майер К. Ф. Новеллы. Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1958. С. I-XLIII.
4. Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII-XIX веков. Л.: Наука, 1984. 276 с.
5. Литература Швейцарии: очерки / ред. Ф. С. Наркирьер и др. М.: Наука, 1969. 431 с.
6. Майер К. Ф. Новеллы. Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1958. 702 с.
7. Мандель Е. А. Мейер // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1963. Т. 4.
8. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 275 с.
9. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
10. Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика: к 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923-1996) / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236-247.
11. Павлова Н. С. Конрад Фердинанд Майер // История швейцарской литературы: в 3-х т. / под ред. Н. С. Павловой. М.: ИМЛИ РАН, 2002. Т. 2. С. 208-238.
12. Павлова Н. С. Проблема национального самосознания и швейцарская литература // История швейцарской литературы: в 3-х т. / под ред. Н. С. Павловой. М.: ИМЛИ РАН, 2002. Т. 1. С. 5-29.
13. Ребер Л. Э. Принципы историзма и проблема художественного метода К. Ф. Мейера: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1988. 17 с.
14. Самарин Р. М. К. Ф. Мейер // Литература Швейцарии / отв. ред. Ф. С. Наркирьер. М.: Наука, 1969. С. 177-205.
15. Седелник В. Д. Швейцарская литература // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. М.: Наука, 1963. Т. 6. С. 636-644.
16. Силантьев И. В. Мотив как проблема нарратологии [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_05/cs05silantiev.pdf (дата обращения: 21.12.2019).
17. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2-х т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Академия, 2004. Т. 1. Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. 512 с.
18. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
19. Тураев С. В. Швейцарская литература // История всемирной литературы: в 9-ти т. / Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983. Т. 6. С. 245-251.
20. Baumgarten F. F. Das Werk Conrad Ferdinand Meyers. München: Müller, 1920. 248 S.
21. Fäsi R. C. F. Meyer. Frauenfeld: Huber, 1948. 224 S.
22. Frey A. Conrad Ferdinand Meyer. Sein Leben und seine Werke. Stuttgart – Berlin: Cotta, 1925. 438 S.
23. Jackson D. A. Conrad Ferdinand Meyer in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Hamburg: Rowohlt, 1975. 157 S.
24. Schmidt K. Unbehagen im Kleinstaat. Zürich – Stuttgart: Artemis Verl., 1963. 252 S.
25. Staiger E. Die Kunst der Interpretation. Zürich: Atlantis [Stockholm], 1955. 273 S.

Artistic Dominants of C. F. Meyer's Novella "Gustav Adolf's Page"

Anisimova Aleksandra Naumovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow City University (Branch) in Samara
88763@mail.ru

Efremova Yuliya Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Samara State University of Economics
yul-efrem@yandex.ru

The article is devoted to studying the creative work of the Swiss literary classic Conrad Ferdinand Meyer, a representative of the XIX-century realism whose works were published in our country at the beginning and in the middle of the XX century but still remain little studied. The paper analyses artistic dominants of C. F. Meyer's novella "Gustav Adolf's Page": storyline, subjective organization and space characteristic. Special attention is paid to the motive analysis. For the first time the authors consider the motive of double identity in C. F. Meyer's novella in its correlation with other motives (love, death, war, game), examine the basic storyline and problematics of this literary work.

Key words and phrases: Swiss literature; Conrad Ferdinand Meyer; motive; chronotope; novella; artistic dominants.

УДК 821.111

Дата поступления рукописи: 20.11.2019

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.1.18>

Настоящая работа посвящена изучению феномена сложных взаимоотношений, складывающихся между сыщиком и преступником в романе Г. Свифта «Свет дня». Цель статьи – анализ влияния, оказываемого в процессе интериоризации как на преступника, так и на частного детектива. Значительное внимание автор работы уделяет событиям, не вписывающимся в идеальную картину мира, построенную в сознании героев Свифта. В заключение раскрывается, что человек совершает преступление или тяготеет к интроспекции в результате выявления несоответствия между происходящими событиями и внутренним мироощущением.

Ключевые слова и фразы: Г. Свифт; постмодернизм; экстериоризация; интериоризация; детективный роман; частный сыщик; преступление; человеческий персонаж; социальная адаптация.

Варёшин Никита Владимирович

Московский государственный лингвистический университет
skainik@yandex.ru

От интериоризации к экстериоризации: конфликт между сыщиком и преступником в романе Г. Свифта «Свет дня»

«Свет дня» (*The Light of Day*, 2003) английского романиста Грэма Свифта (1949) – первое его произведение, написанное и опубликованное в XXI в. В нём автор продолжает развивать тему детективного исследования исторического прошлого и ретроспективного самоанализа, поднятую им в произведениях последней четверти XX в., в частности, в знаковой в писательской карьере Свифта «Земле воды» (*Waterland*, 1983). Но если «следователь поневоле» Том Крик проводит исторически-интроспективное расследование на правах школьного учителя истории, то повествователь в «Свете дня» по имени Джордж Уэбб – бывший полицейский, позже открывающий частное сыскное агентство. В отличие от Шерлока Холмса, воспринимающего работу как вознаграждение, а потому редко принимающего плату от клиентов (например, в рассказе «Пёстрая лента»), для героя Свифта его работа – не столько призвание, сколько средство к существованию. Несколько раз на страницах «Света дня» Уэбб напрямую называет свою деятельность «хлебом».

Отсюда делаем вывод, что работа сыщика для Г. Свифта играет иную роль, нежели для А. Конан Дойла или А. Кристи. Д. Бэджуд отмечает, что следовательская деятельность позволяет Свифту воплотить в романе "the postmodern reclamation or reconstruction of history" [13, p. 210] («постмодернистский возврат или историческую реконструкцию») (здесь и далее перевод автора статьи. – Н. В.). Детектив Уэбб, как и учитель Крик до него, занимается самоанализом на основе пережитых событий прошлого и жизни в социуме. Джордж общается на работе в участке с коллегами, дома – с женой и дочерью, или с клиентками, как частный сыщик. События детективного характера и процесс *узнавания* окружающих (то есть анализа сообщаемой ему информации) в результате интериоризации (лат. *interior* – внутренний) – «перехода чего-либо внешнего внутрь; в психологии усвоение индивидом мнений, стандартов поведения и т.п., существующих в обществе, как своих собственных» [7, с. 166] – позволяют Уэббу вступить в область своих переживаний, которые ему также необходимо проанализировать: "...yet as much as he is an observer of others, he *observes himself* (здесь и далее